

А.Е. КУЛАКОВ
(Саратов)

**НОВООБРАЗОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ФРАНКО-КАНАДСКИХ
МЕЖДОМЕТНЫХ ИНВЕКТИВ:
ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ СТАТУС**

Описаны особенности междометных инвектив французского языка Канады, основные причины и способы образования инвектив-неологизмов, их речевой и языковой статус. Уделяется внимание проблеме перехода лексических окказионализмов в систему языка.

Ключевые слова: *инвектива, междометная инвектива, ругательство, французский язык в Канаде, неологизмы, окказионализмы, эвфемизация, языковая норма.*

Большинство квебекских ругательств, выраженных, в частности, междометиями (переводимыми приблизительно как «черт побери»), так или иначе связано с христианской терминологией и религиозными персонажами. В европейских языках, как известно, ругательства носят обценный или скатологический характер. Специфика квебекских ругательств определяется их церковными истоками. Это своего рода реакция населения на доминирование католической церкви в прежней жизни франко-канадского сообщества. С одной стороны, католицизм наряду с французским языком был важным фактором, позволившим выходцам из Франции сохранить свою национальную идентичность в Канаде, с другой – католическая церковь на протяжении XVIII–XIX вв. и до Спокойной революции 1960-х гг. в Квебеке оказывала существенное влияние на все сферы жизни франко-канадского общества. Необходимо отметить, что квебекские ругательства носят не столько антирелигиозный или антицерковный, сколько антиклерикальный характер. Речь идет о негативном отношении к духовенству и прежде всего к приходским священникам [7, с. 116; 10, с. 60–65].

Религиозные ругательства в Квебеке используются так же, как и традиционные в Европе. Они способны отражать широкий спектр че-

ловеческих чувств и эмоций – как негативных, так и положительных: гнев, удивление, страх, раздражение, зависть, радость и благодарность.

Ряд рассматриваемых лексических единиц происходит от имен религиозных персонажей: *crisse* или *jésus* (*Jésus Christ* – Иисус Христос), *viarge* (*Sainte Vierge* – Пресвятая Дева Мария), *saint-esprit* (*Saint Esprit* – Святой Дух), *baptisse* (*Jean Baptiste* – Иоанн Креститель), *simonac* (*Saint Simon* – Святой Симеон), *mausus* (*Moïse* – Моисей, через английский язык). Существуют междометные инвективы, образованные от библейских топонимов: *calvaire* (от *Calvaire* – Голгофа). Некоторые ругательства связаны с названиями церковных обрядов и ритуалов: *sacrament* (*sacrement* – таинство), *baptême* (*baptême* – крещение), *carême* (пост), *eucharesse* (*eucharistie* – евхаристия, святое причастие), *sacrifice* (жертвоприношение). Особое место занимают инвективы, образованные от названий материальных объектов, прямо или косвенно связанных с церковью: *câlisse* (*calice* – чаша, потир), *tabarnac* (*tabernacle* – дарохранительница, скиния), *cibouère* (*ciboire* – дароносица), *osti* (*hostie* – просвира, облатка), *saint-chrême* (*chrême* – елей, миро), *ciarge* (*cierge* – церковная свеча), *crucifix* (распятие), *sacristie* (ризница), *presbytère* (дом священника).

Набор основных ругательств дает квебекцам широкий простор для словотворчества, позволяет создавать новые ругательства на базе существующих, «канонических». Это вызвано, с одной стороны, желанием отдалить фонетически ругательства от церковной лексики и смягчить их грубость, с другой – экспрессивностью новых ругательств. Ж. Шарр, один из первых исследователей квебекских ругательств, указывает на то, что едва ли можно встретить человека, в полной мере использующего в речи весь инвективный инвентарь. У каждого есть излюбленное ругательство, которое служит основой для создания персонального набора междометных инвектив: по мере необходимости от него образуются новые лексические единицы, наилучшим образом соответствующие коммуникативным целям конкретного речевого акта. Новые ругательства, таким образом, выступают как средство самоидентификации и самоутверждения индивида, произносящего их [6, с. 32–33].

Многочисленные варианты ругательств выступают в квебекском просторечии как своеобразные эвфемизмы. Однако эта эвфемизация управляется не столько лингвистическими, сколько психологическими факторами. Так, Ж. Шарэ считает, что замена *ciboire* на *liboire* или *Christ* на *clis* есть своего рода лингвистическое мошенничество, некий трюк, позволяющий обмануть требования политкорректности и элементарного этикета. Перед произносящим подобное ругательство стоит нелегкая задача – найти слово, имеющее достаточный эмоциональный заряд, и при этом не преступить ограничения, накладываемые статусом и убеждениями собеседников. Тем не менее эвфемизмы являются полноправными ругательствами, т.к. участникам коммуникативного акта понятно, что именно хотел сказать говорящий, произнеся *liboire* или *clis*, и почему он отказался от традиционных инвективных междометий [6, с. 35].

Существует несколько способов эвфемизации ругательств. Рассмотрим их.

1. Простое фонетическое изменение для удобства произношения (*sti* вместо *osti*). А. Бугаефф и Ж.-П. Пишетт выделяют апокопу (*ba* от *baptême*, *taber* от *tabarnaque*) и афезу (*barnaque* от *tabarnaque*), а также сокращение групп согласных (*criss* от *christ*) и упрощение артикуляции гласных (*estie* от *ostie*) [5, с. 31; 9, с. 39].

2. Изменение по сходству с другим словом – паронимия (*tableau* от *tabarnac*, *crime* от *crisse*, *caline* от *câlisse*, *bâteau* от *baptême*). Ж.-П. Пишетт среди ругательств-паронимов выделяет каламбуры с конечным созвучием (*joual-vert* от *calvaire*) и начальным (*six-boîtes* от *ciboire*) [9, с. 39].

3. Произвольная аффиксация (*calique* от *câlisse*, *tabarouette* от *tabarnac*, *cibolaque* от *ciboire*).

4. Создание телескопических слов – соединение двух ругательств в одно слово (*taboire* от *tabarnac* и *ciboire*, *caliboire* от *câlisse* и *ciboire*).

5. А. Бугаефф выделяет также свободную перестановку слогов внутри слова – метатезу, однако известен только один подобный пример: *batarnac* от *tabarnac* [5, с. 48].

Так, слово *tabarnac*, например, может дать следующие производные: *bacarnac*, *baguertac*, *barnac*, *barnache*, *barnique*, *barnouche*, *batarnac*, *cafarnac*, *crétac*, *jarnac*, *kakarnac*, *kla-karnac*, *morsac*, *ta*, *tabagnole*, *tabanaque*, *tabarchière*, *tabargeolle*, *tabarnache*, *tabarnanane*, *tabarnance*, *tabarne*, *tabarniche*, *tabarnine*, *tabarnique*, *tabarnouche*, *tabarnouère*, *tabarouette*, *tabarsac*, *tabarslac*, *tabarsloune*, *tabatèche*, *taber*, *tabernane*, *tabernicle*, *tableau*, *taboire*, *ta-*

boîte и др. (примеры взяты из словарей, опубликованных в Канаде и России, а также из произведений франко-канадской художественной литературы).

Количество ругательств в Квебеке увеличивается и за счет простого соединения (сопоставления) лексем: *câlisse de crisse*, *osti de câlisse*. На этом основана традиционная квебекская игра *Concours de sacres* («Соревнование в ругательствах»). В нее играют взрослые мужчины, и выигрывает тот, кто может ругаться дольше и сильнее всех и свободно соединять ругательства в длинные ряды [9, с. 85]. В результате появляются такие витиеватые обороты, как *Câlisse d'esti de calvaire de tabarnac d'asti d'ciboire de sainte-vierge!* Нужно отметить, что соединение ругательств считается в Квебеке едва ли не искусством, и, несмотря на десемантизированность, эти инвективы имеют свои весьма строгие фонетические и синтаксические нормы сочетаемости. Таковы основные пути пополнения инвентаря франко-канадских инвектив.

Каков же статус новообразованных ругательств? Они окказиональны [6, с. 33] и их принадлежность к системе речи бесспорна. Практически каждое из них – авторский неологизм, появившийся вследствие желания говорящего сделать свое высказывание более индивидуальным, придать ему большую выразительность, усилить эмоциональный заряд или просто освежить старое, избитое ругательство.

Правомерна ли постановка вопроса о переходе окказиональных инвектив в систему языка? Т.А. Репина справедливо указывает на то, что «в речи под влиянием различного рода субъективно-эмоциональных факторов, индивидуального и коллективного творчества постоянно возникают инновации, часть которых постепенно, в силу регулярной воспроизводимости в речи, может войти в систему языка» [3, с. 15]. Необходимо отметить, что ругательства составляют очень подвижный пласт лексики в любом языке: они быстро устаревают, выходят из употребления, заменяются новыми. Причем в образовании новых единиц очень значимо индивидуальное начало: они создаются конкретным человеком в процессе коммуникации, их авторский характер легко определяется. В то же время такое словотворчество можно назвать в некотором смысле массовым, поскольку, с одной стороны, большое количество неологизмов, создаваемых рядовыми носителями языка, составляют именно ругательства, а с другой – новообразования, как правило, распространяются в устной коммуникации и редко фиксируются в письменной форме на начальном этапе своего существова-

ния, во много раз ускоряя процесс усвоения новых ругательств говорящими на данном языке. Однако нередко инвективные новообразования не выходят за пределы того речевого акта, в котором были созданы, и забываются.

Формальным критерием отнесения окказионального лексического продукта к системе языка является его включение в словарь, т.е. вокабуляризация. Характерная черта современной западной лексикографической традиции заключается в отражении в общих словарях стилистически сниженных лексем, в том числе ругательств, обсценной лексики и т.п. Таким образом, можно предположить, что самые употребительные из новых ругательств потенциально могут быть зафиксированы в словаре. Однако мы имеем дело с инвективными неологизмами национального варианта полинационального языка. Ни один общий словарь французского языка не дает полной картины существования языка на всех территориях его распространения (из национальных вариантов в словарь включаются наиболее употребляемые лексемы, как правило, описывающие локальные реалии, или те общефранцузские слова, которые за пределами метрополии обретают новое содержание; из ругательств здесь находит место незначительное число наиболее известных на территории самой Франции). В Канаде же существует большое количество словарей местных особенностей французского языка, среди них немало серьезных лексикографических работ, подготовленных известными и авторитетными лингвистами [4; 8]. В этих словарях обнаруживается много окказиональных ругательств, даже однократно воспроизведенных и неизвестных франко-канадцам. Можно ли считать их принадлежностью системы языка, ведь формальный критерий нормализации и кодификации соблюден? Это очень спорный и противоречивый вопрос. Дело в том, что словари особенностей французского языка в Канаде ставят перед собой задачу описать все разнообразие квебекской речи, представить максимально полную характеристику существования языка на своей территории, и при отборе материала лексикографы не ограничивают свою работу и инвентарь вокабул нормализаторскими интенциями. В связи с этим фактическое включение новых ругательств в систему языка вряд ли является реальным на практике.

Существует еще одно препятствие на пути новообразованных инвектив в языковую систему. Речь идет о существовании общезыковой нормы полинациональных языков и явно речевом характере локальных норм. В процессе обустройства (*aménagement*) территориальных вариантов полинациональных языков ориенти-

ром служит всеобщая норма, поэтому определенное место между всеобщей и локальной нормами занимает центральный вариант всеобщего языка [2, с. 333]. В.П. Данилова указывает на то, что «термины “диалектизм”, “провинциализм”, “регионализм” являются синонимами по архисеме “явление, имеющее хождение или употребляющееся на определенной территории (в регионе или в определенной провинции)”. <...> Регионализмы являются речевыми явлениями, не входящими в систему языка» [1, с. 266]. Данное положение разделяют многие исследователи, занимающиеся изучением территориальной вариативности языков.

На наш взгляд, новообразования в системе франко-канадских ругательств можно считать вариантами исходных ругательств, на базе которых они были созданы и которые входят в локальную языковую поднорму, выступающую в качестве инварианта речевых отношений с использованием канадского варианта французского языка. Под локальной языковой поднормой мы понимаем традиции использования французского языка на территории Канады, определяющие выбор речевых средств для коммуникации. Локальная языковая поднорма занимает промежуточное положение между общезыковой нормой и франко-канадской речевой практикой, выступает как речевой инвариант речевых отношений или, другими словами, как архивариант для вариантов общезыковых единиц.

Литература

1. Данилова В.П. Идентификация регионализмов // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева. г. Волгоград, 16 янв. 2006 г. : сб. ст. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. С. 266–271.
2. Клоков В.Т. Французский язык во Франции. Саратов : Изд. центр «Наука», 2011.
3. Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1996.
4. Bergeron L. Dictionnaire de la langue québécoise. Montréal : VLB Editeur, 1980.
5. Bougaïeff A.; Légaré C. L'Empire du sacre québécois: étude sémiolinguistique d'un intensif populaire. Québec : Presses de l'Université de Québec, 1984.
6. Charest G. Sacres et blasphèmes québécois. Montréal : Québec-Amérique, 1980.
7. Hardy R. Ce que sacrer veut dire: à l'origine du juron religieux au Québec // Injures et blasphèmes / sous la direction de J. Delumeau. Paris : Imago, 1989. P. 99–125.
8. Meney L. Dictionnaire québécois-français: pour mieux se comprendre entre francophones. Montréal : Guérin, 1999.

9. Pichette J.-P. Le Guide raisonné des jurons: langue, littérature, histoire et dictionnaire des jurons. Montréal : Les Quinze, 1980.

10. Séguin R.-L. L'Injure en Nouvelle-France. Montréal : Leméac, 1976.

Neologisms in the system of French Canadian invective vocabulary: language and speech status

There are described the peculiarities of interjection invectives of the French language in Canada, the main reasons and ways of invective neologisms formation, their speech and language status. The attention is paid to the issue of transition of lexical occasionalisms to the system of language.

Key words: *invective, interjection invective, curse, the French language in Canada, neologisms, occasionalisms, euphemisms, language norm.*

Ю.И. МЕДНИКОВА
(Волжский)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА
“DISCRIMINATION” КАК
СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ
(социолингвистический аспект)**

Рассматривается реализация воздейственного потенциала лексической единицы «discrimination» в текстах ведущих французских СМИ, ориентированных на различные социальные группы населения на фоне исторически сложившегося отношения французской нации к равенству. Анализ проводится с учетом не только национального менталитета французов, но и системы социальных ценностей контингента читателей конкретного издания.

Ключевые слова: *персуазивная коммуникация, манипуляция сознанием, совокупный социальный субъект воздействия, речевоздейственный потенциал лексики, коммуникативно-прагматическая цель автора.*

Как известно, влияние людей друг на друга и социальная власть осуществляются посредством языка. При помощи языковых еди-

ниц различного уровня можно внушить получателю информации ту или иную мысль, побудить его к желаемым действиям, внедрить в его сознание и закрепить там нужные мнения, стереотипы и установки. В осуществлении этого процесса СМИ играют главенствующую роль, т.к. главной особенностью и конечной целью газетного текста является не только сообщение фактологической информации, но и оказание максимального воздействия, источник которого находится в самом тексте. Как отмечается в современных исследованиях, сегодня восприятие окружающего мира в значительной степени зависит от того, каким представляют этот мир средства массовой информации [4, с.13].

Проблему воздействия, опосредованного тестами СМИ, мы рассматриваем с точки зрения персуазивной коммуникации, т.к. персуазивность является неотъемлемой функционально-прагматической характеристикой текста (в данном случае текста, предполагающего воздействие). Вслед за В.Е. Чернявской мы выделяем такие признаки персуазивной коммуникации, как попытка преимущественно вербального воздействия на сознание адресата, воздействие посредством коммуникативных стратегий убеждения и обольщения, реализуемое текстами определенного типа [8, с. 27–28]. При этом для выполнения заранее запланированной коммуникативно-прагматической цели авторы выбирают наиболее эффективные, с их точки зрения, языковые единицы, обладающие высоким персуазивным потенциалом, способные осуществлять в том числе и манипулятивный тип воздействия, незаметно внедряя в сознание адресата (в данном случае – совокупного социального субъекта) нужные мнения, установки и стереотипы.

С целью повышения эффективности приемов осознанного и целенаправленного воздействия на общественное сознание авторы текстов СМИ широко используют языковые единицы различного уровня, за которыми закреплены значимые для получателя информации базовые концепты. В рамках данной статьи мы взяли за основу определение А.В. Олянича, который представляет концепт основной единицей национального менталитета как специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок, главной характеристикой которого является особенность